

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1.; 821.511.141

Образ А.В. Суворова в венгерской и польской литературах конца XVIII – первой половины XIX века

Максим Анатольевич Артемьев

Независимый исследователь,

г. Москва, Российская Федерация, art-maksim@yandex.ru

Аннотация. Текст посвящен сравнению представления фигуры А.В. Суворова в художественном творчестве ведущих венгерских и польских поэтов и прозаиков в конце XVIII – начале XIX вв. Данная тема ранее не являлась предметом исследования у отечественных и зарубежных исследователей. Целью работы является выявление упоминаний А.В. Суворова в произведениях литераторов Венгрии и Польши того времени, и характерных черт созданного ими его образа. В качестве источниковедческой базы использовались произведения национальной классики соответствующих стран: М. Чоконай Витеза, А. Мицкевича, Г. Жевуского, Ю. Словацкого. Анализ их текстов позволил прийти к следующим выводам – образ русского полководца Суворова не был обойден вниманием в венгерской и, особенно, польской литературах; а отношение к нему зависело от политического контекста, исторических традиций и устойчивых коннотаций по отношению к России в соответствующих странах, и личных симпатий авторов.

Ключевые слова: А.В. Суворов, Михай Чоконай Витез, Адам Мицкевич, Генрик Жевуский, Юлиуш Словацкий, классицизм, романтизм.

Для цитирования: Артемьев М.А. Образ А.В. Суворова в венгерской и польской литературах конца XVIII – первой половины XIX века // Русская филология и национальная культура. 2026. №2(19). С. 13-21. Доступно по ссылке: <https://filolog-rgu.ru/wp-content/uploads/st10-2026.pdf>

Original article

УДК 821.161.1.; 821.511.141

The Image of A.V. Suvorov in Hungarian and Polish Literature of the Late 18th - First Half of the 19th Century

M.A. Artemyev

Independent researcher,

Moscow, Russian Federation, art-maksim@yandex.ru

Abstract. This article compares the portrayal of Alexander Suvorov in the works of leading Hungarian and Polish poets and prose writers of the late 18th and early 19th centuries. This topic has not previously been the subject of research by either Russian or foreign scholars. The aim of this work is to identify references to Alexander Suvorov in the works of Hungarian and Polish writers of the time and the characteristic features of the image they created of him. The source material used includes the works of the national classics of the respective countries – M. Csokonai Vitéz, A. Mickiewicz, G. Rzewuski, and J. Słowacki. An analysis of their texts allows us to reach the following conclusions: the image of the Russian commander Suvorov was not ignored in Hungarian and, especially, Polish literature; and attitudes toward him depended on the political context, historical traditions, and persistent connotations toward Russia in the respective countries, as well as the personal sympathies of the authors.

Key words: A.V. Suvorov, Csokonai Vitéz Mihály, Adam Mickiewicz, Henryk Rzewuski, Juliusz Słowacki, Classicism, Romanticism.

В статье «К эволюции образа А.В. Суворова в зарубежной литературе конца XVIII – начала XIX века» [1] мы рассмотрели обращение к фигуре русского полководца А.В. Суворова его современников – немецкого писателя И.П. Хебеля, автора знаменитого альманаха «Сокровищница рейнского друга дома», оказавшего влияние на детские рассказы Льва Толстого [2], и английских романтиков – как старшего поколения из Озерной школы – У.Вордсворта, С.Т.Кольриджа и Р.Саути, так и младшего – Дж.Г.Байрона.

Уже при жизни Суворов имел европейскую славу, и его попадание в поле зрения крупнейших прозаиков и поэтов своего времени неудивительно. Однако немецкой и английской литературой творческое освоение личности полководца не ограничивается. Цель данной публикации показать, как осмыслился и воспринимался Суворов в современной ему венгерской и, в первые десятилетия после своей смерти, в польской литературах.

Венгрия в конце XVIII столетия входила в состав Австрийской империи. После почти двухсот лет политического и культурного упадка, вызванного завоеванием части страны Османской империей, и переходом другой части под контроль австрийских Габсбургов, которые постепенно отвоевали всю территорию, в стране начался процесс национального возрождения, проявившийся, в том числе, и в литературе. Была проведена реформа венгерского языка, выразившаяся в изгнании из него большинства заимствований и создания взамен их слов на исконно венгерской основе [5, р. 101]. Проявили себя писатели, обращавшиеся к новым жанрам и темам, соответствовавшим новым европейским веяниям. Самым ярким и значительным поэтом конца XVIII был Михай Чоконai Витез (Csokonai Vitéz Mihály) (1773 – 1805), предшественник М. Вёрьшмарти и Ш. Петёфи.

Венгерское возрождение того времени было вполне лояльным Габсбургам, и большинство литераторов поддерживали политические устремления Венны. Не являлся исключением и Чоконai Витез. В 1799 году он написал большое стихотворение в 446 строк, рифмованных попарно «Торжество истины» (Az igazság diadalma) [4, р. 246], на злободневные события – падение Мантуи в ходе кампании русско-австрийской коалиции против Франции. В Италии в это время русские войска под командованием Суворова сражались как союзники австрийцев, и одержали победы при Треббии и Нови. Стихотворение предназначалось для публичного чтения во время празднеств при дворе венгерского магната и мецената Дьердя Фештетича в сентябре 1799 года.

«Торжество истины» показательно тем, как воспринималась Россия в то время в Венгрии. Стихотворение построено в форме обращения к главным действующим лицам на мировой сцене тогда, монархам союзных стран. Сразу после австрийского императора Франца II идет призыв к царю Павлу, которого автор ставит перед королем Георгом III и султаном Селимом III. Он начинается так: «И ты, Павел, грозный царь московитов» (És te, Pál, a muszkák rettenetes cájja). Далее следует перечисление его могущества и обширности его империи, в гиперболических выражениях – перед ним преклоняют колена «татары двух миров», ему подчиняется бурный Ледовитый океан, он вращает ось Северного полюса, устанавливает свой закон от берегов Швеции и «соболье-мехового» Петербурга до Берингова пролива.

Любопытно упоминание венгерским поэтом народов Сибири, в первую очередь уральской языковой группы – самоедов и остяков (ненцы и ханты), родственных лингвистически венграм. Язык последних является ближайшим родственником венгерского, и входит вместе с ним в обско-угорскую подгруппу. Чоконai Витез особо выделяет остяков – «обитателей берегов Оби». Неизвестно, знал ли поэт о языковой близости с ними или это является простым совпадением.

Далее Чоконai Витез обращается к императору Павлу:

Смотри, встревоженный мир надеется на тебя,
Скажи, «иди, Суворов, и побеждай».

Знают печальные деревенские Мартинешты ,
 Что ему достаточно посмотреть, и сразу он побеждает,
 Знают турки, знают поляки,
 Что выходит он в поход всегда только, чтобы торжествовать.
 При одном упоминании его великого имени,
 Оковы с Италии спадут.

Воззвание Чоконаи Витеза отражало настроения того времени – верность венгров императору в Вене, и, как следствие, поддержка ведущего полководца его союзника, упование на его военный талант, прославление его побед. Для венгерского поэта – Суворов величайший военачальник своего времени, с европейской славой, которого он воспекает как античного героя.

Суворов был хорошо известен Чоконаи Витезу не только в связи с последними событиями в Италии, но и как соратник австрийцев в войне с Турцией 1788-1791 гг., которая наложилась на русско-турецкую войну 1787-1791 гг., в связи с чем он упоминает битву при Рымнике (Мартинештах). Россия предстает в стихотворении безусловно положительной силой, а ее ведущий полководец – легендарной личностью, который во исполнение приказа своего царя должен внести вклад в мировую историю, по крайней мере, освободить Италию от владычества французов.

Нельзя не отметить, что торжественный стиль Чоконаи Витеза перекликается с современными ему стихотворениями Гавриила Державина «На пребывание Суворова в Таврическом дворце» и «На смерть Суворова»:

Суворов! страсти кто смирить свои решился,
 Легко тому страны и царства покорить,
 Друзей и недругов себя заставить чтить [3, с. 246].

С кем мы пойдем войной на Гиену?
 Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
 Сильный где, храбрый, быстрый Суворов? [3, с. 284]

Хотя Державин на тридцать лет старше Чоконаи Витеза, они оба с подобным пафосом и дидактичностью принадлежат к просвещенческому классицизму. В последнем отрывке из «Снигирия» показательно упоминание «Гиены» – олицетворения революционной Франции. Это корреспондирует со строками из «Торжества истины» – «пусть даже остяки узнают, что нет народа более проклятого чем французы». Для Чоконаи Витеза и Державина французские революционеры – нарушители законов божьих и человеческих, которые сбивают человечество с пути постепенного прогресса. И для их усмирения и нужны такие генералы как Суворов. Также примечательно, что другие полководцы в объемном стихотворении не упомянуты.

Иным было отношение к Суворову в Польше, чьи ведущие авторы первой половины XIX века не прошли мимо его имени. Для поляков он являлся, в первую очередь, человеком, который дважды воевал против них – во времена

Барской конфедерации 1768 – 1772 гг., и при подавлении восстания Костюшко в 1794, причем во втором случае на его счет заносили резню в предместье Варшавы – Праге, во время ее штурма.

Адам Мицкевич (Adam Mickiewicz) (1798 – 1855) в I главе «Пана Тадеуша», национальной эпопеи, выводит русского офицера Рыкова с рассказом, передающим солдатские поверья:

Готовьтесь к маршу! Пойдем ли на турка,
Или на француза, ох, и фигура, этот Бонапарт!
Без Суворова он может нас побить.
У нас в полку говорили, как шли на француза,
Что Бонапарт - чародей, но и Суворов
Тоже; и боролось волшебство против волшебства.
Раз в бою – куда он подевался? – давай искать Бонапарта.
А он превратился в лису, а Суворов в борзую.
Так Бонапарт затем в кота обратился, а Суворов в коня. [6, s. 21]

Примечательно, что Суворов никогда с Наполеоном на поле боя не сталкивался, но солдатский фольклор в интерпретации Мицкевича приписывает ему и такой подвиг. Важно отметить, что отношение автора к русскому полководцу вполне нейтральное. Более того, Суворов рисуется как фигура равновеликая Наполеону Бонапарту, который являлся кумиром польского поэта. Мицкевич, чье отношение и к русской исторической традиции, и к русской армии, было резко отрицательным, что проявилось во многих его произведениях, в том числе, и в «Пане Тадеуше», делает для Суворова исключение, выводит его из числа однозначно отрицательных персонажей, таких как сенатор Новосильцев в III части «Дзядов».

Наделение француза-«нехристя» чертами героя-трикстера неудивительно, но добавление к нему в пару для колдовских штучек, связанных с перевоплощением в животных, православного офицера, причем лишь недавно скончавшегося, которого многие солдаты могли видеть вживую и судить о нем не из преданий, было смелым сюжетным ходом польского поэта. Мицкевич предлагает свой вариант восприятия Суворова рядовыми русскими солдатами – он выступает не как «слуга царю, отец солдатам» военных бывальщин, а как сказочный герой, утративший всякую связь с реальностью.

Кроме того, в «Пане Тадеуше» есть еще отдельные упоминания о русском полководце, в IX главе цитируется его известный афоризм про «пулю-дуру и штык-молодец» – «что стреляет, то не искусство; мне нужно, что колет, сказал старый Суворов» (Co puka, to nie sztuka; to wolę, co kole, Mówił stary Suwarów) [6, s. 211].

Как видим, вполне нейтрально-уважительное использование его слов. И в той же главе еще воспоминания о нем: «Хорошо сказал Суворов: «помни Рыков-камрад, никогда не ходи на ляхов без пушек!» (Dobrze mówił Suwarów: „Pomnij Ryków kamrat, Żebyś nigdy na Lachów nie chodził bez armat!“). [6, s. 215]. И в X главе о Суворове говорится без называния его по имени: «и имел... также

от фельдмаршала три благодарности» (a miał ...Także od feldmarszałka trzy zadowolenia). [6, s. 219]

Основоположник жанра дворянской «гавенды» (ярко индивидуализированная имитация «воспоминаний о прошлом» от первого лица), прозаик Генрик Жевуский (Henryk Rzewuski) (1791 – 1866), под влиянием устных рассказов которого создавался «Пан Тадеуш», обращался к Суворову в своем основном труде «Воспоминания Соплицы» (отд. издание 1839). Здесь также нет эмоционально заряженного отношения к русскому полководцу. Рассказчик может безудержно приукрашивать подвиги поляков – «пан Казимеж Пулавский, староста варецкий, наголову разбил Москву под Лянцкороной, и аж до Мышлениц гнал Суворова» [7, s. 35], но в целом деяния Суворова упоминаются безоценочно: «Суворов, тогда еще бригадир московский, во главе четырех тысяч человек отделился, преследуя нас, и преградил нам путь под Мщонувом... волынский воевода не убежал от Суворова, и через несколько дней после нашего расставания был разбит и взят в плен со многими людьми, когда из более чем трехсот солдат, только пятьдесят спаслись, а остальные были схвачены москалями или убиты. Ну а Суворов, узнав от пленных, что Сава был ранен в Мщонувской стычке и никто не знает, где он находится, пришел к выводу, что он, должно быть, скрывается где-то неподалеку. И он очень хотел его захватить, во-первых, потому, что тот был одним из самых храбрых командиров Конфедерации, во-вторых, потому, что он хотел поквитаться с ним за многих древичовских гусаров, которым пан маршалек, чтобы отомстить за их злодеяния, приказал отрубить руки и носы; он выделил полковнику большой отряд, и приказал стоять в Мщонуве и обязательно захватить Саву». [7, s. 236, 240]

Перед нами картина первобытной свирепой борьбы, схожая с той, которую рисовал приблизительно в то же время Николай Гоголь в «Тарасе Бульбе». И поляки, и их противники под руководством Суворова, воюют отчаянно и храбро, и доблесть врага никто не принижает, хотя, конечно, симпатии автора на стороне «своих». Важно добавить, что Генрик Жевуский, в отличие от Мицкевича, был лоялен царской власти, и в конце жизни служил чиновником по особым поручениям при Иване Паскевиче – наместнике Царства Польского. Это не мешало ему прославлять военные подвиги поляков в войнах с Россией, но он не впадал в озлобленно-мстительный тон, в том числе по отношению к Суворову. И для Мицкевича, и для Жевуского, Суворов – безусловно вражеский полководец, но борьбу с которым можно считать за честь, в силу его прославленности.

Иначе обстоит дело у Юлиуша Словацкого (Juliusz Słowacki) (1809 – 1849), второго великого, после Мицкевича, поэта польского романтизма. В его «Поэме Пяста Дантышека герба Леливы об аде» (1839) Суворов помещается в преисподнюю.

Странствующий по аду герой видит его сидящим, «облитым кровью народов», и принимает поначалу за «труп Ирода... в начале вечного раскаяния за резню невинных». Но некий голос из темноты призывает его плюнуть мерт-

вещу в лицо, который «как шакал кровь трупов чует». Тот колеблется, но «голос снова крикнул: «плюй, ибо это Суворов!» [8, s. 161]

Далее следует возмущенный монолог Дантышека, обращенный к полководцу – «скорбишь ли ты по нашей крови?», «слышишь... крики матерей, как стонут дети»? Образ Суворова в поэме монструозен, он воплощение абсолютного зла, и его нравственному уродству соответствует внешнее – «в глазах бурлит кровь, и никогда их не прикрывают веки», «как у листа на больном дереве, у глаза твоего разные цвета». Словацкий пишет о полководце в своих примечаниях к тексту поэмы, что у того была «львиная свирепость и облик обезьяны», «обезьянья и сатанинская душа». Он приводит анекдот о словах Суворова во время штурма Праги, когда тот посреди ужасной резни пожалел попавшего ему на глаза пораненного индюка, не замечая страданий людей, должный представить его лицемером и ханжой.

Суворов Словацкого – это отталкивающее видение из загробного мира, обреченное на вечные муки за совершенные им преступления. Поэт не жалеет черных красок для его описания. Тут нет и речи о какой-то воинской славе, чести, доблести. Суворов не просто враг поляков, их палач и мучитель, но и inferнальная личность, в которой нет ничего человеческого. Словацкий пишет с пафосом, бичует губителей своей родины с ориентацией на «Ад» Данте, которому подражает.

Все три произведения польских авторов, написаны в 30-е годы XIX века в эмиграции, после поражения восстания 1830-31 гг., когда умерла надежда на скорое восстановление независимости Польши. Каждый из них искал свой путь приспособления к действительности. Адам Мицкевич создает шляхетский эпос, для отвлечения от неприглядной реальности, в рамках которого прославленный противник поляков сводится к нарочито сниженному фольклорному персонажу. Генрик Жевуский в идиллических картинах прошлого, призванных напоминать о лучших временах, рисует Суворова – опасного бойца, достойного соперника мятежной шляхты. Юлиуш Словацкий обращается к жанру поэтического памфлета, и отрицает начисто что-либо положительное в Суворове, создавая образ кровавого изувера, недаром слово «кровь» при его описании повторяется семь раз.

Список источников

1. Артемьев М.А. К эволюции образа А.В. Суворова в зарубежной литературе конца XVIII – начала XIX века [Электронный ресурс]. URL: <https://www.istorex.org/post/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC-%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D0%B2-%D0%BA%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B0-%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B0-xviii->

%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%B0-xix-
%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 24.01.2026)

2. Артемьев М.А. Хебель и Толстой. К проблеме жанрового своеобразия детских произведений Льва Толстого // Вопросы литературы. №2, 2021. С. 76-82.
3. Державин Г.Р. Стихотворения, Л.: Советский писатель, 1957.
4. Csokonai Vitéz Mihály. Csokonai Vitéz Mihály összes művei három kötetben, I/2, Budapest, Genius Kiadás, 1934.
5. Lorant Czigány. The Oxford History of Hungarian Literature From the Earliest Times to the Present. Oxford, Clarendon Press, 1984.
6. Mickiewicz Adam. Pan Tadeusz, Wydawnictwo IBIS, Poznań, 2013
7. Rzewuski Henryk. Pamiątki JPana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego, Złoczów, Księgarnia Wilhelma Zukerkandla, 1926.
8. Słowacki Juliusz. Dzieła Juliusza Słowackiego, T.III, Lwów, 1894.

References

1. Artemyev M. A. K evolucii obraza A.V.Suvorova v zarubezhnoj literature XVIII-nachala XIX veka. [Electronic resource]. URL: <https://www.istorex.org/post/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC-%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D0%B2-%D0%BA-%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B0-%D0%B0-%D0%B2-%D1%81%D1%83%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B0-xviii-%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%B0-xix-%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0> (Accessed: 24.01.2026). (In Russ.)
2. Artemyev M.A. Voprosy literatury, No. 2, 2021. pp. 76-82. Hebel i Tolstoj. K problem zhanrovogo svoeobraziya detskih proizvedenij L'va Tolstogo. (In Russ.)
3. Derzhavin G.R. Stihotvoreniya, Leningrad: Sovetskij pisatel, 1957. (In Russ.)
4. Csokonai Vitéz Mihály. Csokonai Vitéz Mihály összes művei három kötetben, I/2, Budapest, Genius Kiadás, 1934.
5. Lorant Czigány. The Oxford History of Hungarian Literature From the Earliest Times to the Present. Oxford, Clarendon Press, 1984.
6. Mickiewicz Adam. Pan Tadeusz, Wydawnictwo IBIS, Poznań, 2013.
7. Rzewuski Henryk. Pamiątki JPana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego, Złoczów, Księgarnia Wilhelma Zukerkandla, 1926.
8. Słowacki Juliusz. Dzieła Juliusza Słowackiego, T.III, Lwów, 1894.

Информация об авторе

Артемьев Максим Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент. Независимый исследователь, Россия, Москва.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Information about the author

Artemyev Maxim Anatolyevich, PhD in Psychology, Associate Professor. Independent researcher, Russia, Moscow.

e-mail: art-maksim@yandex.ru

Дата поступления статьи: 30.01.2026